

## Социальное и правовое положение низшего духовенства в Галицкой Руси в конце XIV – начале XVI в. К постановке проблемы

Хомяк М.В.

*Институт украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины, Львов (Украина)*

*В статье на основе польской и украинской научной литературы, как современной, так и достижений историографии начала XX в., осуществлена попытка выделить ключевые факты и явления, которые дают возможность более четко представить положение низшего духовенства в социальном и правовом пространстве на территории западноукраинских земель в XV в.*

*Цель – изучение особенностей социального и правового положения низшего духовенства в Галицкой Руси, а также организации сети храмов, статуса священника, его роли в повседневной жизни.*

**Материал и методы.** *Объектом исследования является социальное и правовое положение низшего духовенства в Галицкой Руси в конце XIV – начале XVI в., предметом – особенности социально-правовых функций священников, их место в духовных и/или светских судах. Данный обзор подготовлен на основе научных работ И. Крипякевича, А. Петрушевича, В. Площанского, К. Соханевича, И. Шараневича и др.*

*В исследовании использованы методы системно-структурного анализа, сравнительно-описательный подход.*

**Результаты и их обсуждение.** *Акцент сделан на проблеме правовых функций священнослужителей, главным образом – их участия в разводах. Это в известной степени способствует пониманию противостояния светского и церковного права. Низшее духовенство зачастую появлялось в актах продажи и купли; данный материал дает представление о материальном положении приходов (парохий, парафий) и священников, подтверждает тезис о существовании своеобразных священнических «династий» уже в XV веке.*

**Заключение.** *Потеря собственной государственности обернулась для русинов в Галицкой Руси ощутимым упадком. Священники не были исключением: они теряют свое прежнее социально-правовое положение. Тем не менее, не стоит представлять упадок местной православной церкви как катастрофический. Уже к концу XV в. местная церковь находит пути к своему возрождению в последующие века.*

**Ключевые слова:** *низшее духовенство, православное духовенство, священник, светский суд, духовный суд.*

*(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 70–76)*

## Social and Legal Status of the Lower Rank Clergy in Galician Russia in the late XIV – early XVI century. On the Statement of the Issue

Khomiak M.V.

*NAS I. Krypyakevich Institute of Ukrainian Studies, Lvov (Ukraine)*

*In the article on the basis of the Polish and Ukrainian scientific literature, both modern and achievements of the early twentieth century historiography, attempt is made to highlight key facts and events which make it possible to present more clearly the position of the lower rank clergy in the social and legal environment on the territory of Western Ukraine in the XV century.*

*The purpose of the research is the study of features of social and legal status of lower clergy in Galician Russia as well as of setting up a network of churches, the status of the clergyman, his role in everyday life.*

**Material and methods.** *The object of this study is the social and legal status of the lower clergy in Galician Russia in the late XIV – early XVI century. The subject of research is the peculiarities of social and legal functions of the priests, their place in the spiritual and/or secular courts. This review is based on studies by I. Krypiakevych, A. Petrushevych, V. Ploshchanski, K. Sokhanevich, I. Sharanevich and others.*

*In the study methods of systematic structural analysis and comparative descriptive approach are used.*

**Findings and their and discussion.** *Particular attention is paid to the legal functions of priests, mostly – their participation in the divorce. This, to some extent, gives insight about the confrontation between the secular and ecclesiastical*

---

*Адрес для корреспонденции: e-mail: khommarian@i.ua – М.В. Хомяк*

law. Lower rank clergy often operated in acts of sale and purchase. This material provides insight into the financial situation of parishes and priests, confirms the thesis of the existence of a peculiar priestly «dynasties» in the XV century.

**Conclusion.** The loss of their own state turned for Russians in Galician Russia a palpable decline. Priests were no exception: they lost their previous social and legal status. However, one shouldn't represent the decline of the local Orthodox Church as catastrophic. By the end of the XV century local church finds ways to its rebirth in the ensuing centuries.

**Key words:** lower rank clergy, Orthodox clergy, priest, secular court, spiritual court.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 70–76)

В истории Киевской Церкви низшее духовенство, пожалуй, наиболее было обделено вниманием. Когда речь идет о позднем средневековье, то изучение роли священников в тогдашней общественной жизни осложняется отсутствием необходимого исходного материала. Не так много свидетельств, дошедших до нашего времени, прямо касается приходов и их настоятелей. Историкам приходится без преувеличений «выщипывать» отдельные факты и обосновывать многочисленные предположения.

Цель – изучение особенностей социального и правового положения низшего духовенства в Галицкой Руси, а также организации сети храмов, статуса священника, его роли в повседневной жизни. Определенные представления нам может дать участие священнослужителей в духовных и/или светских судах, главным образом по делам разводов.

**Материал и методы.** Объектом исследования является социальное и правовое положение низшего духовенства в Галицкой Руси в конце XIV – начале XVI в., предметом – особенности социально-правовых функций священников, их место в духовных и/или светских судах. Данный обзор подготовлен на основе научных работ И. Крипякевича, А. Петрушевича, В. Площанского, К. Соханевича, И. Шараневича и др.

В исследовании использованы методы системно-структурного анализа, сравнительно-описательный подход.

**Результаты и их обсуждение.** Историки прилагают немало труда, чтобы объяснить те или иные явления в истории Галицкой Руси в период ее вхождения в состав Польского королевства. Естественно, что церковь, ввиду ее значения в средневековье, занимает в исследованиях очень важное место. Тем не менее, остается много вопросов, которые в настоящее время не столь популярны среди ученых; в их числе – социально-правовое положение и функционирование низшего духовенства.

Несомненным остается утверждение, что к концу XIV в. на землях Галицкой Руси уже сложилась густая сеть церквей. Известный

польский исследователь С. Будзинский совершил попытку подсчета их количества для Перемышльской и Сяноцкой земель. Опираясь на налоговые реестры 1507, 1510, 1511, 1512 и 1517, а также дополнительно – налоговые списки с 1526 и 1530, он установил, что в пределах обеих земель в начале XVI в. было 477 церквей. Ученый обратил внимание, что это число не включает те церкви, которые функционировали в городах, где их могло быть больше одной. Более того, в XV в. могло существовать немало и таких храмов, найти следы которых в источниках практически невозможно. Татарские и валашские набеги 1498–1502 гг. привели к катастрофическим последствиям, опустошениям городов и сел. С этого периода в налоговых регистрах нет упоминаний о многих храмах: запустевшие, они уже не интересовали налоговых сборщиков [1, s. 138–139].

Поэтому С. Будзинский предполагает, что в Перемышльской епархии на рубеже XV–XVI вв. должны были существовать 550–600 церквей [1, s. 139].

Сельский приход формировался на протяжении достаточно длительного времени, и только в таком ключе, оценивая целые века, можно уловить важные изменения в его развитии. В XII–XIII вв. сельский приход был организован как уезд (переезд), который охватывал значительное количество поселений. Приход («уезд», «предел») – этим термином называют канонические памятники Киевской Руси и их более поздние редакции XIV–XVI вв. Во Львовской епархии слово «предел» для обозначения прихода как локального центра христианского культа бытовало в нормативных актах вплоть до середины XVII в., хотя наиболее употребляемым здесь (особенно во второй четверти XVI в.), как свидетельствуют местные канонические памятники, было слово «приходь». Такой церковный округ был достаточно большой, на его территории могли функционировать несколько храмов. Обычный приход в Юго-Западной Руси в это время покрывал территорию в 70–80 км и возглавлялся священником. Учитывая

протяженность такой протопии, священники были вынуждены переезжать с места на место (отсюда и название – «переезд»), чтобы иметь возможность предоставлять пастырскую опеку всем своим «духовным детям», отправляя богослужения и разделяя Св. Тайны [2, с. 477–478]. Следует однако отметить, что число населенных пунктов не было большим, и те локационные инициативы, которые принимались в XV в., не дали того результата, что в XVI – первой половине XVII в.

С ростом количества построенных церквей (как предполагают исследователи, их число существенно увеличилось с конца XIII в.) площадь уездов (переездов) уменьшалась, поэтому светские и духовные власти начали принимать меры, призванные зафиксировать границы новых церковных округов-уездов, в том числе с целью упорядочения приходской жизни и доходов клира. Как считает Дмитрий Баловнев, с конца XIV в. церковные округа становятся меньше, и с тех пор «начинается становление современной территориально-административной структуры Церкви». В Галицкой епархии в течение первого века ее существования функционировали церковные округа, которые по своим размерам и за приходским составом были переходной формой между генеральными и обычными наместничествами-протопопиями. И только со временем они трансформировались в «классическое» среднее звено административного аппарата Восточной церкви, более известное в западном христианстве под названием деканат [2, с. 473–474].

Как утверждает Д. Баловнев, с конца XIV – XV в., во время распространения христианства в самых отдаленных районах, начинает формироваться общество верующих, то есть «люди, которые живут в одной местности, начинают “приходить” в церковь, и таким образом становятся “прихожанами”». Так возникает термин «приход» для обозначения локального сообщества христиан (впервые это понятие фиксируется в источниках под 1485 годом в связи с возведением в Переяславе Рязанской епархии церкви Св. Иоанна Златоуста) [2, с. 478].

Латинская церковь, организационные структуры которой формировались вне реалий Галичины, качественно отличалась от местной православной. В ней, по мнению С. Будзинского, еще со средневековья был характерным тип прихода на несколько сел, который охватывал, таким образом, значительный

комплекс земских имений. Приходы односельские встречались у католиков редко. Обычно они охватывали поселения в хозяйственной плоскости хорошо развитые, заложенные на немецком праве [1, с. 136].

В православной церкви, напротив, установился тип односельского прихода, более того – такого, который охватывал лишь соседнюю местность. Основание нового прихода не требовало даже части тех материальных средств, которые были необходимы при образовании нового костела, возглавляемого плебаном. Церковь основывала, в первую очередь, сельская или городская община, позже – братства, иногда отдельные прихожане, а иногда и миряне – кандидаты в будущие parroхи [1, с. 136]. В процессе локации села, прежде всего на валашском праве, под церковь определяли полдвора. Священники жили преимущественно из тех доходов, которые получали из своих духовных функций. Кроме этого, им предоставлялась определенная часть земли. В селах на валашском праве священник, как правило, получал целый лан. Часто он сам работал на земле. Священники занимались ремеслами, например, содержали мельницы. Некоторые из них ощутимо богатели [3, с. 40].

Существует и другое мнение. Несмотря на то, что в некоторых селах было по несколько православных попов, это необязательно свидетельствует о том, что должно было быть и несколько церквей [3, с. 37].

Низшее духовенство, а речь идет, прежде всего, о священниках, выполняли ряд своих святительских функций и находились, таким образом, максимально близко к своей общине верующих. Священник стоял выше крестьянина, но существенно не превышал его в социально-правовом поле. Есть примеры, когда русский духовный есть кметем, то есть крестьянином, привязанным к земельному участку [4, с. 168]. С конца XV века в источниках появляются свидетельства, подтверждающие существование священников-крестьян. Также часто встречаются факты жалоб со стороны попов, в которых упоминаются телесные повреждения, нанесенные по воле помещиков [5, с. 60]. Священники принадлежали к подданному населению; их вносили в списки наравне с кметями, мельниками, а иногда и вовсе называли холопами. Также следует отметить, что в источниках они всегда выступают солидарно со своей общиной [3, с. 40].

Общественное положение православных священников было ниже, чем латинских ксен-

дзов. К последним употребляли титулы как *persona spiritualis* [3, s. 41]. Православное духовенство в актовом материале «сливается» с массой крестьян. В социально-правовом положении «*propones Ruthenicales*» и «*homines liberi*» ничем существенно не отличались [6, s. 13]. Латинское духовенство не только именовало в своих письмах русские церкви «синагогами», но и русское православное население – «схизматиками» и «язычниками» [7, с. 27]. К примеру, еще в XV–XVI вв. в источниках чаще всего встречается название русской церкви как *ecclesia ritus graeci* и *ruthenici*; но уже тогда параллельно часто наблюдаем название *synagoga rit. rut.* Что же касается польских законодательных актов, то в них о православных священниках говорят, как о *propones* или *sinagogaе* [5, с. 62].

Уже в начале XV в. источники фиксируют случаи принуждения «русских попов» к хозяйственным работам и уплате налогов (пример прихода Страдче под Львовом, 1416 г.). По наблюдениям М. Грушевского, общераспространенный в XVI в. налог в один золотой с каждого православного храма взимался королевскими сборщиками на территории Галицкого владчества, вероятно, уже во времена Владислава Ягайло. Кроме того, на местное русское население, которое исповедовало славянско-византийский обряд, накладывались налоги в пользу локальных римокатолических приходов. Эта практика, официально подтвержденная королем Владиславом II в феврале 1426 г., известна в Галичине с конца XIV в. [2, с. 329]. В постановлениях чрезвычайных налогов, т.н. фестонов, на русских духовных накладывалась уплата по 8 грошей от лица, когда, между тем, имущество и капиталы других сословий только изредка облагали [4, с. 168].

Место священников в повседневной жизни галицкого (и не только) общества хорошо прослеживается, когда рассмотреть их непосредственные функции. В данном случае обратимся к практике разводов, прежде всего среди крестьян, но также и шляхтичей. Делами супругов занимался старостинский суд. Это, безусловно, противоречило церковным уставам и происходило в ущерб восточной церкви. Также данная практика осуществлялась и против конституции великого князя Витовта, выданной им для исповедников восточной церкви на Литве, Волыни и Подолье, которую король Казимир Ягайлович в 1469 г. подтвердил по просьбе перемышльского епископа

Девоньки для клира Перемышльской епархии [4, с. 119].

Проблема разграничения компетенции светского и духовного суда четко просматривается на материале XIV–XVI вв. из Галицких земель. В эпоху рецепции византийско-церковного права до конца XI в. на Руси компетенция по делам разводов принадлежала светскому суду. Зато с конца XI в. данную компетенцию присваивает духовный суд [8, s. 26]. На практике же нормативные предписания не раз игнорировались.

Разводы в среде шляхты были сложными, и упоминания о них весьма неоднозначны для анализа. К. Соханевич утверждает, что данные процессы, безусловно, иллюстрируют борьбу между принципами светского и духовного судов. Так, процесс развода Ежи Мольчицкого с Белкой Ормянкой был передан духовному суду после того, как предыдущий, созданный в составе львовского воеводы и генерального русского старосты, сандомирского воеводы, судьи Львовской земли и ряда других лиц, признал себя некомпетентным. Очередной – духовный суд – состоял из перемышльского владыки Атаназия; более близкие сведения нам неизвестны. Следует, однако, думать, что такой суд действовал по предписаниям. Компетентным органом, согласно канонам, был епископ с синодом. Вся процедура проходила по сформировавшейся с течением веков практике [8, s. 30].

Некоторые дела разводов рассматривали смешанные суды – духовно-светские. Подобный случай – развод Протазия Бортницкого. Суд, заседавший 17 июня 1450 года, состоял из львовского земского судьи, галицкого подсудка, заместителя гродского судьи и представителя духовенства – «Петра от Св. Юрия». Состав суда, заседавшего на следующий день, был таким: русский воевода и генеральный староста, протопоп Василий, львовский земский судья, галицкий подсудок и девять шляхтичей, из среды которых – бурграбий и львовский подстароста. Суд действовал, как положено духовному суду [8, s. 31].

Отметим попутно, что миряне иногда входили в состав духовных судов, и не только епископских, но и митрополичьих. В 1511 г. виленские мещане подали для решения дело киевскому митрополиту Иосифу Солтану о нарушении их давних прав на избрание священников и управление церковными имениями. В судной грамоте митрополита в перечне состава суда вписали трех землян [9, с. 20].

Для Галицких земель в настоящее время свидетельств о таких правах мирян не обнаружено.

Компетенция в делах разводов была заложена в самом характере заключения супружеских связей. На Галицкой Руси в XV в. даже в среде православной шляхты форма супружества через венчание не была обязательной нормой. Исключением являлось, когда гродский суд требовал в качестве доказательства заключения брака свидетельство священника, а также двух свидетелей этого акта. Наоборот, для шляхты доказательством семейного положения был факт (и акт) выплаты приданого [8, s. 17].

По этому поводу К. Соханевич делает вывод о том, что браки среди крестьян на Галицкой Руси в XV–XVI вв. следует считать «невенчанными связями», что имело, конечно, определенное влияние на отношения супружеской пары между собой (приоритет мужчины и имущественные отношения), также причины и формы разводов [8, s. 17].

На практике же супружество невенчанное и обвенчанное было легальной формой заключения связи, с той лишь разницей, что невенчанное являлось привилегией в том смысле, что легче допускался развод [8, s. 17].

Люстрации с XVI в. дают мало материала для весомых выводов. Но и здесь можно рассмотреть чрезвычайную простоту разводов. Основным условием была выплата т.н. «разводного». Отметим, что популярная на Волыни в XVI в. форма развода через т.н. письмо развода в судебной практике на землях Галицкой Руси в XV в. не встречается. Соханевич приводит причины разводов и выплаты возмещения по материалам некоторых люстраций: а) «gdy który Rusin mąż albo żona gardzą sobą z jakiegokolwiek przyczyny» (самборская люстрация); б) «od swawolnych Rusinów, którzy się rozwodzą ze żonami, biorą z tego, kto da przyczynę» (стрыйская люстрация); в) «gdy który Rusin swawolny chce się rozwieść z żoną, albo także żona z mężem, wszakoż według zwyczaju dawnego złego biorą od takowych zamkowych win po trzy grywny» (галицкая люстрация); г) «ten, który poczną da, winien dać złotych sześć» (калушская люстрация); д) «Ruś swawolna z lada przyczyny z żoną nie chce mieszkać, tedy ten, co da przyczynę do tego, złotych 3» (коломыйская люстрация) [8, s. 18].

Из этого следует, что супруги имели равные права инициировать развод. Все вышеприведенные факты касаются т.н. разводов по вине, тогда как, конечно, должны были суще-

ствовать и разводы без умышленной вины кого-то из сторон [8, s. 18].

Формой развода являлся исключительно судебный приговор замкового старосты. Роли священника здесь совсем не видно. Все уплаты адресовались старосте. Относительно крестьян иногда упоминается и войт, которому отходил третий грош из суммы [8, s. 19, 26].

Роль войта по делам развода среди крестьян в частных владениях подтверждает в Галицкой Руси локационный документ села Мальчицы с 1447 г., где выписаны судебные выплаты, которые ему предназначались: «de omni re judicata tertius denarius, de cunyczta tertius grossus, de concordatione alias smyrnego tertius grossus, de divortionalibus alias rozpustu tertius grossus» [10, № 73]. Участие светской администрации по делам разводов и отсутствие здесь священника, как представителя духовной администрации, вряд ли можно отнести к нововведениям польской администрации и сознательному умалению участия в общественной жизни православного духовенства. Уже согласно Уставу Ярослава, если женщина находилась ночь вне дома мужа, то последний получал право на развод, а жена, как виновная сторона, должна была выплатить вину. Такая норма продолжала существовать длительное время, о чем свидетельствуют упоминания с середины XV в. (судебная записка от 11 мая 1439 г. в галицком гродском суде о побеге Вронки, жены Андрея с Дрогомирчан) [11, № 1882, 2807]. Право обычая принципиально превалировало над каноническим [8, s. 35].

Можно считать, что желание о разводе по соответствующим причинам среди крестьянского люда выражалось в устной форме, по крайней мере, в XV веке точно. В частных владениях развод происходил по согласию владельца [8, s. 19, 20].

Таким образом, в XV–XVI вв. давать развод могли войтовские правительства, которые в королевщинах действовали от имени старосты, в частных владениях – по воле владельца села. Подданный фактически был отстранен из-под юрисдикции церкви по воле собственника или урядника земли [8, s. 27].

Противостояние светского и духовного судов не нашло в это время консенсуса. К. Соханевич предполагает, что когда еще в середине XV в. дела о разводе рассматривал духовный суд, то в конце века эта компетенция перешла к светской власти [8, s. 31–32]. Постепенно православные священники и вообще теряют места в судах. Из двух записей холм-

ского градского суда за 1428 г. мы знаем, что в числе заседателей-судей наравне с католическими ксендзами присутствовали также православные священники. Но в следующие десятилетия холмское духовенство фигурирует исключительно в роли истцов и ответчиков [5, с. 60].

Неправильно было бы утверждать, что определенно низший общественный статус православного священника в сравнении с католическим ксендзом, а также конкретные ограничения в общественной жизни способствовали тому, что священники обнищали. Они довольно часто появляются в записках из контрактов купли-продажи. И. Крипякевич собрал немало свидетельств подобного характера, которые касались, в том числе, и духовных лиц: «Анна, дочь Сидора, продала Поповы Ивановы свой огород (1513); подле кирпичного имеет участок дяк Иван (1542); на Галицком пригороде Никита Гребеник и Никита дяк, братья Мартина Русина, продают с сестрой Тацею свое поле Федоровы, попу галицкого пригорода (1515); Федор Белинский, поп (очевидно тот же, что и вышеупомянутый), продает Игнатку огород между Станцель-Газом и Альбертом из Литвы (1521); Устиана Пихлева, монахиня, продала Кости дом, что стоит возле Алексея и Занько (1521); поп Василий покупает дом от Беняша Карвата (1513). На ул. Госпитальной имел поп Богоявленской церкви Федор огород между Михаловой и Лозничовой, но продал его Матвеем Озимкову из Самбора (1523)» [12, с. 4, 6, 7, 8, 11].

С контрактов можно сделать вывод, что священники распоряжались своим собственным имуществом. Более того: «недалеко улицы Широкой совет (городской) как “помещики” (дидычи) Богоявленской церкви дал священнику земельный участок до ворот Ильи» (1517) [12, с. 7]. С текста понятно, что земля была передана не церкви, а священнику.

И. Крипякевич приводит еще некоторые данные об имуществе православных священников. Относительно всех этих известий невыясненным остается конкретное место локализации земельных участков. Знаем только, что все данные касаются русинов, которые имели участки в пригороде, за стенами города, как, например, в этом случае: «поп Хома, настоятель городской церкви, покупает от Екатерины Кросенской дом с огородом (1525)». И другой: «... львовский духовный Осип (Иосиф) продает духовному Турашу

двор, принадлежащий церкви Воскресения Господнего в пределах львовского пригорода на вечные времена» [12, с. 12].

Таким же образом действовали высшие иерархи. Перемышльские епископы греческого обряда распоряжаются церковным имуществом, тяготят его, продают и приобретают земские добра. Русские духовные передают по наследству сыновьям свои приходы при церквях. На такое «дидыцтво», среди иных, имели право так называемые «дидычные крилошане». Эти духовные лица еще со времен короля Владислава II поселились в селе Страдч на королевских дворах. Ягайло освободил их от всевозможных тяжестей, которые на них накладывали старосты. Старейшие из общины свидетельствовали, что «дидыцтво» соборного духовенства от непамятных времен в этой семье переходит от отца к сыну [4, с. 124]. Сыновья священников снова становились священниками. Подобная практика имела существенную почву, если учесть социальное положение православного священника. Конечно, были и другие пути: стать простым крестьянином или мещанином в малом городе [3, с. 40–41]. Эти священнические «династии» на Галицких землях существовали и в первой половине XX в.

Некоторые исследователи, в основном польские, видят причины дискриминации православных в Польском королевстве не в конфессиональной принадлежности/взаимоотношениях, а в общественном положении верующих. Связывают это с изменением социального состава верующих Киевской митрополии в целом. Среди них шляхта со временем составляла все меньший процент [2, с. 335].

Русские духовные и исповедники Восточной церкви в Ягеллонский период сохраняют свое отдельное/отрубное положение. Так, львовские русины в церкви св. Николая составляют судебную присягу в порядке, предписанном их обрядом. Уже позже – в 1519 г. – король Сигизмунд распорядился, чтобы русины оказывали судебную присягу в своих церквях, однако уже не по русскому праву и не всей общиной одновременно, но отдельно, слово по слову, как им клятву будут произносить. Это распоряжение касалось конкретно перемышльских русинов [4, с. 124].

**Заключение.** Несмотря на то, что православная церковь имела более широкую и насыщенную сеть церквей, намного больше прихожан, чем католическая, ее вес в социально-экономической жизни, ее правовое положение

в XV веке значительно ослабели. Низшее духовенство пострадало наиболее сильно, поскольку православная церковь потеряла значительных прихожан. К внутренним причинам острого кризиса, в котором оказалась православная церковь на украинско-белорусских землях под конец XVI в., относим способы управления митрополией и общую систему религиозного просвещения, в которой выделяем и подготовку духовных лиц – священников. Уровень последних в целом не отвечал тем условиям, которые сложились в Польской Короне, а потом и Речи Посполитой. В определенной степени можно утверждать, что невысокий уровень приходского духовенства был отображением его низкого социального статуса. Тем не менее, кризис в церковной жизни в XV столетии не был настолько катастрофичен, как это иногда представляется. С середины столетия появлялись приходские объединения (позднее братства), которые уже в следующем столетии смогли развернуть широкую культурно-образовательную деятельность.

### Литература

1. Budzyński, Z. Sieć parafialna prawosławnej diecezji przemyskiej na przełomie XV i XVI wieku. Próba rekonstrukcji na przykładzie rejestrów podatkowych ziemi przemyskiej i sanockiej / Z. Budzyński // Polska–Ukraina: 1000 lat sąsiedztwa / pod red. St. Stępnia. – Przemysł, 1990. – Т. 1: Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu etnicznym.
2. Скочиляс, І. Галицька (Львівська) єпархія XII–XVII ст. Організаційна структура та правовий статус / І. Скочиляс. – Львів, 2010.
3. Dąbkowski, P. Stosunki kościelne ziemi sanockiej w XV stuleciu / P. Dąbkowski. – Przemysł, 1922.
4. Шараневич, І. Оглядь внутрішніх відносин Галицької Русі в другій половині XV столетія / І. Шараневич // Монографії до історії Галицької Русі М. Смирнова, М. Дашкевича і д-ра І. Шараневича. – Тернопіль, 1886.
5. Площанський, В. Прошлоє Холмської Русі по архивним документам XV–XVIII вв. і др. источникам. Духовенство. Холмська єпархія православної і бывшої уніатської церкви. 1428–1630 / В. Площанський. – Вільна, 1899.
6. Rundstein, S. Ludność wieśniacza ziemi halickiej w wieku XV / S. Rundstein. – Lwów, 1903.
7. Петрушевич, А. Историческое известие о церкви св. Пантелеймона близ города Галича / А. Петрушевич. – Львовъ, 1881.
8. Sochaniewicz, K. Rozwody na Rusi Halickiej w XV i XVI wieku // Pamiętnik Historyczno-Prawny / K. Sochaniewicz. – Lwów, 1929. – Т. VII. – З. 3.
9. Левицькій, О. Внутреннее состояніе Западно-Русской Церкви въ польско-литовскомъ государствѣ конца XVI в. и Унія / О. Левицькій. – Киевъ, 1884.
10. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Aleksandra hr. Stadnickiego / wydane staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. – Lwów, 1870. – Т. II.
11. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi śp. Aleksandra hr. Stadnickiego / wydane staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. – Lwów, 1886. – Т. XI; Lwów, 1889. – Т. XIV.
12. Крип'якевич, І. Русини властителі у Львові в першій половині XVI ст. / І. Крип'якевич // Наук. зб., присвячений ювілею проф. М.С. Грушевського. – Львів, 1906.

Поступила в редакцію 09.03.2015 г.